

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/83/5

Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина

Игорь Сергеевич Урюпин

Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Аннотация

В широком историко-культурном контексте рассматривается нравственно-философский, этико-эстетический потенциал поэмы А. С. Пушкина «Цыганы», явившейся идейно-смысловым первоисточником всех последующих «цыганских текстов» русской литературы, переосмысливших мотивы, восходящие к романтическому сюжету о трагической любви Алеко и Земфиры, ставшему прецедентным в творчестве писателей рубежа XIX–XX вв., изучается феномен «цыганской семиосферы» на разных уровнях текстопорождения. В свете концепции А. Ф. Лосева о символе в реалистическом искусстве анализируется образ костра как семиотического маркера в развертывании прецедентного сюжета о «горящем сердце» в рассказах М. Горького «Макар Чудра» и И. А. Бунина «Костер».

Ключевые слова

А. С. Пушкин, «Цыганы», прецедентный феномен, сюжетный прецедент, М. Горький, «Макар Чудра», И. А. Бунин, «Костер», концепт, художественный образ

Для цитирования

Урюпин И. С. Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72. DOI 10.17223/18137083/83/5

Pushkin’s “The Gypsies”: on a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin

Igor S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Abstract

The paper considers the moral, philosophical, ethical, and aesthetic potential of Pushkin’s poem “The Gypsies” in the vast historical, cultural, and literary context. This potential served as the ideological, semantic, and artistic-eidetic source of all subsequent “gypsy texts” of Russian literature reinterpreting the motifs, images, narratives, mythologemes, and archetypes stemming from the romantic story of the tragic love of Aleko and Zemfira. The focus is on the transformation poetics of the plot under study and its motif-image structure in the prose of the early 20th century. Following the methodological principles of cognitive literary criti-

© Урюпин И. С., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 63–72

cism, the phenomenon of the “gypsy semiosphere” is studied in the stories of M. Gorky, “Makar Chudra,” and I. A. Bunin, “Bonfire,” at different levels of textual creation using historical-genetic, structural-semantic, systemic, and holistic research methods. The study has revealed a system of concepts and narrative schemes coming from “The Gypsies” and having a constant character enriched by the life and historical experience of Russian writers of the Silver Age. The ethnographic exoticism of the gypsy world in Russian literature proved to actualize the exceptional feelings and spiritual intensity of the internal processes of human existence subject to the power of the “passions of the fatal.” The love theme in its gypsy national-cultural nuance acquires a stereotypical character in the literature of the late 19th early 20th centuries. The image of the bonfire as a semiotic marker is analyzed through the artistic creation of the precedent “burning heart” plot by M. Gorky and I. A. Bunin.

Keywords

A. S. Pushkin, “The Gypsies,” precedent phenomenon, plot precedent, M. Gorky, “Makar Chudra,” I. A. Bunin, “Bonfire,” concept, artistic image

Для цитирования

Угупин И. С. Pushkin’s “The Gypsies”: on a plot precedent in the stories of M. Gorky and I. A. Bunin // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 63–72. DOI 10.17223/18137083/83/5

Размышляя «о “Цыганах” Пушкина» в статье, специально написанной в 1908 г. для очередного тома «Библиотеки великих писателей» под редакцией С. А. Венгерова, Вяч. И. Иванов одним из первых обратил внимание на то, что сюжет поэмы о «мирной вольности полудиких кочевий, величавой в своем смирении, невинной и радостной в первобытной простоте», нарушенной избалованным «сыном городов», обострившим противоречие природы и цивилизации «до трагического конфликта “роковых страстей”» [Иванов, 1987, с. 299], сразу же стал литературной универсалией. Образная система пушкинского произведения, изображавшего нравы непокорных ромалов, явилась эталоном для художественного воплощения экзотического цыганского мира, его незыблемых духовных основ и вековых обычаев, представлявшихся современникам поэта рудиментом архаичного бытия, к которому тяготел романтизм, превозносивший национальный колорит и воспевавший всё необычное и таинственное. «Самобытный синтез внутренних опытов полудикой общины, отделенной от мира чужих идей и выработавшей исключительно из условий своего обособленного существования собственный нравственный закон и собственное абсолютное представление о нерушимой и неприкосновенной свободе человека» [Там же, с. 309–310], оказался идеализирован в искусстве. В европейской культуре сформировался образ цыган как носителей мятежного духа, стихийных душевных порывов и иррационального мировосприятия, породив особый «цыганский мифотекст» [Волкова, 2020, с. 12], получивший статус прецедентного.

«За каждым прецедентным текстом, – как справедливо утверждает Г. Г. Слышкин, – стоит своя уникальная система ассоциаций» [2000, с. 49], возникающих в индивидуальном и коллективном сознании субъекта исторического бытия в ходе его духовно-интеллектуального опыта познания и освоения микро- и макрокосма. Факты и события «мира идей» и «мира вещей», конденсируясь в культурной памяти человечества, в его семиосфере, начинают с известной регулярностью воспроизводиться в общественной жизни, порождая прецедентные феномены. Прецедентность как литературно-языковое явление реализуется через аллюзии и реминисценции, выступающие идейно-содержательными скрепами, связывающими различные по своей когнитивной природе тексты в единый текст нацио-

нальной культуры. Таким культурогенным текстом-первоисточником всех последующих «цыганских текстов» русской литературы стала поэма А. С. Пушкина «Цыганы» (1824). После нее цыганская тема в творчестве С. П. Шевырева, А. И. Полежаева, Е. П. Ростопчиной, Н. М. Языкова, А. Н. Апухтина, Я. П. Полонского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Н. С. Лескова и даже П. Мериме, непременно окрашиваясь пушкинскими коннотациями, в свернутом или развернутом виде содержала мотивно-образную партитуру романтической поэмы об Алеко и Земфире, более того, приобрела прецедентный характер и перешла в ряд «вечных» [Козлова, 2020, с. 26].

Вольная жизнь цыган, архаичная в бытовом укладе, гармонично резонирующая с ритмом природных стихий, чуждая земной укорененности и устремленная «за горизонт», не признающая никаких социальных, нравственных пределов и ограничений, получив в поэме А. С. Пушкина художественное осмысление, уже в XIX в. подверглась литературной стереотипизации. Герои поэмы и ее сюжет явились объектом творческой рефлексии писателей, представлявших в своих произведениях ментально-психологическое столкновение «цивилизованного» современника с миром первозданного в своей естественной простоте природного человека. Концептуальный инвариант мотивно-архетипической матрицы пушкинских «Цыган» оказался чрезвычайно востребован в русской литературе рубежа XIX–XX вв., обратившейся к феномену импульсивной цыганской души, которую пытались постичь А. А. Блок и М. И. Цветаева, Н. С. Гумилев и В. Хлебников. Художественный миробраз «Цыган», преодолев свою имманентную «герметичность», сгенерировал мощное смысловое поле цыганского текста, все структурно-семантические элементы которого вступают в имплицитно-эксплицитный диалог с поэмой А. С. Пушкина. Эйдетические и нарративные схемы пушкинских «Цыган» с разной степенью выраженности тиражируются в произведениях русской литературы, актуализируя комплекс проблем морально-этического характера. «Цыганский вопрос», поднятый и художественно разрешенный А. С. Пушкиным, – это вопрос о ценности человеческой свободы и человеческой жизни, о нерасторжимом единстве природно-космического и психологического бытия цыгана, о метафизике пути / дороги, о скитании (в пространственном и экзистенциальном измерении) как божественном призвании и наказании одновременно.

В русской литературе рубежа XIX–XX вв. пушкинская модель цыганского мира нашла отражение в произведениях писателей, тяготевших к разным идейно-стилевым направлениям и течениям, но неизменно ориентированным на диалог с классической традицией, продолжая ее магистральный вектор в новых исторических и социокультурных обстоятельствах. Так, развернутая экспозиция поэмы, рисующая мирное пристанище цыганского табора в степи, остановившегося на ночлег, была реализована в рассказах М. Горького «Макар Чудра» (1892) и И. А. Бунина «Костер» (1902–1932), в каждом из которых был воплощен пушкинский сюжетный прецедент, получивший свое индивидуально-авторское переосмысление и развитие. Мотивно-образный комплекс пушкинской поэмы, обладающей в силу ее жанрово-родовой модальности органической способностью наполнять событийно-вещественный пласт повествования эмоционально-медитативной интенциональностью, в начале XX в. оказался трансформирован и преосуществлен в прозе особого художественного регистра (ритмической у М. Горького и экспрессивной у И. А. Бунина), для которой была характерна повышенная лирическая суггестивность, актуализированная через систему аллюзий и реминисценций. Завязка цыганского текста в русской литературе, непременно

«связанная с мотивом дороги» [Вьюшкова, 2009, с. 49], судьбоносным для кочевого племени и константным для его репрезентации в словесном искусстве, вводит в таинственный мир гордых степных скитальцев чуждого им «пришлеца»: Алеко и лирического героя поэмы А. С. Пушкина, собеседника Макара Чудры в рассказе М. Горького и автора-повествователя в рассказе И. А. Бунина. Все они, свернув «с большой дороги» (Бунин, 2006, с. 456) (в буквальном и иносказательно-философском смысле), находят недолгий приют у цыганского очага, вкусив сладость гостеприимства и изведав горький урок жизни, доверяя его старому цыгану, выступающему душеприказчиком и резонером:

В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром
(Пушкин, 1984, с. 116).

Образ старика цыгана, хранителя легенд и преданий, национально-культурного опыта древнего народа ромов, веками живущего в соответствии с неписаными законами «естественного права» «природного человека» на жизнь во Вселенной, в поэме А. С. Пушкина и рассказах М. Горького и И. А. Бунина выступает медиатором между миром суровой прагматичной реальности и миром романтических порывов духа, между «царством необходимости и царством свободы». «Кто скажет, зачем он живет?», – вопрошал горьковский Макар Чудра, – разве «он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведомо ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце?» (Горький, 1949, с. 10). Онтология свободы / природной воли, поэтизируемая писателем, определяет мироощущение и жизнепереживание героя, которое он раскрывает собеседнику, исповедуя перед ним «символ веры», моральное кредо своего народа, выступая его «адвокатом» и его «персонификатором». Отсюда особую значимость приобретает портрет старика как выразителя цыганского духа, на котором фокусирует свой взгляд автор. В самом внешнем облике героя угадывается его твердый, независимый характер: «Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма...» (Горький, 1949, с. 9). В фигуре бунинского цыгана, напоминающей Макара Чудру, также подчеркивается его самодостаточность, степенность и поразительное внутреннее достоинство: «Ноздри у него были вырезаны резко, борода доходила до самых глаз. И в этих черных глазах, в черных жестких волосах, густо вьющихся из-под шапки, в жесткой, кудрявой бороде – во всем чувствовалась дикость и внимательность степного человека» (Бунин, 2006, с. 456).

Будучи нравственным авторитетом, воплощая народную мудрость и выступая гарантом самого цыганского бытия в чуждом и враждебном мире, старый цыган не случайно изображается А. С. Пушкиным, М. Горьким и И. А. Буниным в ореоле огня, представлявшегося древним народам сакральным источником «жизненной энергии» [Бидерманн, 1996, с. 185]. «Непременным элементом кочевого быта цыган, – замечает В. В. Мароши, – был постоянно горящий или тлеющий костер» [2019, с. 59], с которым ассоциировалась «огненная» природа цыганского харак-

тера, испепеляюще жгучего и ослепительно яркого, мерцающего инфернальным, адским блеском. «Пламя костра, пламя костра» (Гумилев, 1999, с. 398) как наваждение преследует лирического героя баллады Н. С. Гумилева «У цыган» (1920), попавшего в плен любовной страсти, навеянной красавицей цыганкой, оказавшейся источником невыносимой муки: «Сердце крылатое в груди косматой // Вырви, вырви сердце и растопчи» (Гумилев, 1999, с. 399).

Образ костра, ставший атрибутом цыганского мира, является центральным и в рассказе И. А. Бунина «Костер». Уже в самом его заглавии писатель актуализировал комплекс смыслов, который во всей полноте, по утверждению А. Ф. Лосева, вмещает только символ. «Он содержит в себе всегда какую-то идею, которая оказывается законом всего его построения» (курсив А. Ф. Лосева. – И. У.) [1976, с. 41]. Такой идеей, художественно концентрированной в образе костра, представляется идея огненной любовной страсти, сюжетообразующей в поэме А. С. Пушкина и в рассказах И. А. Бунина и М. Горького. Символический потенциал интегрального концепта *КОСТЕР*, определяющего мотивно-образную систему рассказа И. А. Бунина, последовательно реализуется в нарративной и композиционной структуре произведения, обеспечивая его смысловое единство на всех уровнях текста – от синтагматики и парадигматики до имманентной логики и аксиологии.

«Костер горел ярко, и, чем ближе я подъезжал к нему, – замечал бунинский герой, – тем все резче отделялось пламя от нависшего над ним мрака» (Бунин, 2006, с. 456), знаменуя внутреннюю метаморфозу, связанную с душевно-духовным преображением, которое было суждено пережить ему, оказавшись в цыганском таборе. В свете костра он увидел красавицу цыганку, к которой невольно испытал тайное желание, подобно языку пламени, озарившему его сердце. Но в отличие от пушкинского Алеко, окунувшегося в пучину любовной страсти к Земфире, презревшего «неволю душных городов» (Пушкин, 1984, с. 120), променявшего свой привычный дворянско-мещанский мир на романтически-идеализируемый им мир цыганского табора («Он хочет быть как мы цыганом» (Пушкин, 1984, с. 117)) и жестоко обманувшегося, разочаровавшегося в земном счастье, бунинский герой не нашел в себе воли отказаться от своей городской, цивилизованной жизни и буквально убежал от самого себя, подавил пробуждающееся чувство к прекрасной цыганке, которую не мог, да и не хотел увести с собой, несмотря на томный взгляд ее «печально-призывных глаз необыкновенной красоты» (Бунин, 2006, с. 457), моливших о победе, о вольной любовной неге. Сюжетный потенциал пушкинской поэмы с ее неизбежной трагической развязкой в рассказе И. А. Бунина ушел в глубокий подтекст, но сохранил свой драматический импульс. Если в поэме А. С. Пушкина герой из ненавистного города бежит в цыганский табор, но не может стать его органичной частью, испытывая духовный диссонанс, то в рассказе И. А. Бунина бежать в город хотела бы за своим возлюбленным героиня, однако автор не допускает такой побег, учитывая «зеркальный» опыт Алеко, осознавая невозможность счастья между людьми, разделенными социальной, культурной, духовно-интеллектуальной пропастью (подобный сюжетный ход, но уже не на цыганском, а на крестьянском материале И. А. Бунин развернет в рассказе «Темные аллеи» (1938), открывающем одноименный цикл: герой не сможет / не захочет в силу разных обстоятельств увести с собой полюбившуюся ему Надежду и уже, по сути, на закате дней случайно встретит ее на большой дороге хозяйкой трактира).

Судьба юной цыганки, оставленной героем «у костра», в ее привычном мироукладе, вдруг очень явственно представилась автору, когда он «еще раз глянул за костер», который слепил его «своим ярким мерцанием»: он увидел «толстую цыганку в лохмотьях, кормившую грудью полуголого ребенка» (Бунин, 2006, с. 457). Эта участь неминуемо ожидала пятнадцатилетнюю девочку, очарованную приезжим баринном, который так и не смог забыть ее влюбленный взгляд. Спустя годы «еще ярче, чем у костра», вспомнились ему ее «черные волосы, нежно-страстные глаза, старое серебряное монисто на шее...» (Бунин, 2006, с. 457), и тогда, как замечает автор, его охватило «уже новое чувство – томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере...» (Бунин, 2006, с. 457). Так, образ костра в рассказе И. А. Бунина, сконцентрировав в себе философско-онтологический и экзистенциальный смысл раздумий художника о любви, озаряющей крошечную тьму человеческой жизни, в полной мере реализует функцию «сюжетной мотивировки и акцентуации кульминации» [Зеленцова, 2013, с. 171], преодолевая композиционную дискретность, свойственную реалистическому пейзажу.

Ту же художественную природу имеет образ костра и в рассказе М. Горького «Макар Чудра». В самом начале произведения писатель на фоне романтического пейзажа, изображающего «слева – безграничную степь, справа – бесконечное море», представляет костер, в который «влажный, холодный ветер» бросает «сморщенные, желтые листья», «раздувая пламя» (Горький, 1949, с. 9), иносказательно уподобляя разгорающемуся огню чувства Лойки Зобара и красавицы Радды. Трагический исход любовной страсти героев, о которых поведал автору старый цыган, в финале рассказа сопровождается образом «угасающего костра» (Горький, 1949, с. 20). Более того, костер в рассказе М. Горького выступает не только лейтмотивом, но и катализатором сюжета, как и в поэме А. С. Пушкина «Цыганы». Неукротимый чувственный порыв свободолюбивой Земфиры, полюбившей молодого цыгана и изменившей Алеко, подобен вспышке пламени, озарившей ночной мрак жизненной рутины. Не случайно сама героиня словами старинной песни, что «поется меж людей», кочующих «на степях Кагула» (Пушкин, 1984, с. 123), призналась названному мужу: «Я тверда; не боюсь / Ни ножа, ни огня» (Пушкин, 1984, с. 122), спровоцировав его на страшное преступление – убийство, погасившее костер ее яркой жизни. После свершившегося злодеяния «настала ночь», «огня никто не разложил» (Пушкин, 1984, с. 132), и тьма охватила оцепеневший в ужасе табор цыган.

Точно такой же эффект произвела на собеседника Макары Чудры история об убийстве Радды ее возлюбленным Зобаром в рассказе М. Горького. Своенравную дочь старика Данилы покорила молодой цыган Лойко, по силе и храбрости которому не было равных. С восхищением описывает его рассказчик: «очи, как ясные звезды, горят, а улыбка – целое солнце, ей-богу!» (Горький, 1949, с. 13). В образе Зобара автор подчеркивает его огненную природу, актуализируя солярный мифопоэтический код [Урюпин, 2019]. А потому неудивительно, что герой всё время представлен на фоне костра, выступающего и элементом пейзажа, и маркером душевно-духовного состояния персонажа: «Остановился у костра»; «стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь» (Горький, 1949 с. 13); «когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришел и Лойко» (Горький, 1949, с. 19). Его сердце пылало любовью: «Радда там живет только – и все тут!» (Горький, 1949, с. 19). Образ любящего сердца, горящего огнем, в творчестве М. Горького оказался семантически многомерен, вобрав в себя широчайший духовный потенциал от жертвенной любви к людям Данко в рассказе «Старуха Изергиль»

до испепеляющей страсти и непрерывных мучений автобиографического героя «Рассказа о безответной любви» и рассказа «О первой любви». «Цыганская» любовь Зобара, бескомпромиссная и безусловная (несмотря на очевидный парадокс: условие Радды – поклониться ей «в ноги перед всем табором» (Горький, 1949, с. 18) и поцеловать ее правую руку), – тоже жертвенная, но это особая сакральная жертва, которую совершает герой и которую осознает принимающая смерть от ножа возлюбленного героя: «Прощай, Лойко! я знала, что ты так сделаешь!.. – да и умерла...» (Горький, 1949, с. 20). Между прочим, в поэме А. С. Пушкина совершившееся преступление тоже преподносится как жертвенный акт:

Алеко
Умри ж и ты!
Поражает ее.
Земфира
Умру любя...
(Пушкин, 1984, с. 130).

На сюжетный параллелизм рассказа «Макар Чудра» и поэмы «Цыганы» в начале XX в. сразу же обратила внимание литературная критика: Н. Я. Стечкин признавался, что при чтении горьковского произведения «невольно перед мыслями встает пушкинская цыганская любовная драма: вся – жизнь, вся – огонь, вся – страсть» [Стечкин, 1997, с. 490]. Оба текста в культурном сознании современников, проецируясь друг на друга, актуализировали цыганский миф – миф об анархистской кочевой вольнице отрицателей социальных законов и норм буржуазной морали, «проповедников индивидуалистического “несогласия”» с существующим миропорядком [Келдыш, 1986, с. 24]. Цыганская мятежная душа, опоэтизированная М. Горьким, оказалась выразительницей возвышенно-героического революционного духа эпохи.

Бунтарско-волюнтаристский дух цыган, на протяжении веков культивировавших в себе чувственную аффектацию и пребывавших «по ту сторону добра и зла» (так, кстати, назвал свою книгу 1886 г. великий немецкий философ-иррационалист), оказался для М. Горького, испытавшего на рубеже XIX–XX вв. сильнейшее идеологическое влияние Ф. Ницше, оправданием сверхчеловеческого имморализма, жизненную формулу которого художественно угадал А. С. Пушкин в своих «Цыганах». Однако, по замечанию О. В. Богдановой, «имморализм Ницше, с одной стороны, привлекал юного Горького, с другой – останавливал его и требовал осмысления и переоценки представлений, сложившихся под влиянием русской классики» [Богданова, 2018, с. 315]. Пушкинская трактовка цыганской воли, предвосхищая ницшеанскую концепцию тотальной «воли к жизни», получила художественную реализацию в поэме «Цыганы», где в духе романтической эстетики абсолютизировалась свобода любовного чувства-аффекта, несовместимая с традиционно-христианской моралью-долгом. Так, отец Земфиры стал жертвой своеволия Мариулы, которая «звездой падучею мелькнула», «брося маленькую дочь» (Пушкин, 1984, с. 127) и его самого на произвол судьбы, влюбившись в цыгана из чужого табора, но герой не смеет осуждать свою подругу: «Кто в силах удержать любовь?» (Пушкин, 1984, с. 127). Несмотря на свою обиду-муку и страдания ребенка («Госкуя, плакала Земфира, / И я заплакал» (Пушкин, 1984, с. 127)), цыган был вынужден отпустить Мариулу, поскольку не подвергал сомнению священную ценность воли, а «воля, – как утверждал Ф. Ницше, – есть не только комплекс чувств и мышления, но прежде всего еще и *аффект*» (курсив Ф. Ниц-

ше. – И. У.) [2012, с. 30]. Повинуясь аффекту, бессознательному влечению, на протяжении своей тысячелетней истории скитаются по миру цыгане – «вольные птицы», как называл их в начале XX в. Н. А. Александров, для них не существует моральных законов: они не хотят «ни сеять, ни жать и не собирать житниц», но предпочитают жить «обманом, воровством, грабежом и мошенничеством» [Александров, 1901, с. 9].

Амбивалентность цыганского бытия и цыганского национального характера оказывается и в самом деле «по ту сторону добра и зла» (Ф. Ницше). Стихийная страстность, природное буйство жизненной энергии, презрение к посюстороннему утилитарно-прагматическому существованию человечества вплоть до полного неприятия социальных и политических норм и законов, устремленность к потусторонним, иррациональным целям и ориентирам – всё это в европейском культурном сознании эпохи романтизма приписывалось цыганам и наделялось исключительной мифосуггестивной силой. Цыганский мирообраз, созданный А. С. Пушкиным, стал художественным эталоном, прецедентным феноменом, с которым так или иначе соотносился и верифицировался конкретно-эмпирический, этнографический материал. Поэма «Цыганы», аккумулируя ментально-психологический, исторический опыт кочевого народа, его обычаи и предрассудки, являлась источником «цыганской семиосферы», генератором смыслов и идей, транслировавшихся на все последующие «цыганские тексты». Концептуально-мотивная система, нарративная структура пушкинских «Цыган» была воспринята М. Горьким и И. А. Буниным, мечтавшими на рубеже XIX–XX вв. о преодолении абсолютной антиномичности любви и воли.

Список литературы

- Александров Н. А.* Степи. Вольные птицы. Цыгане (фараоново племя). М.: Издание книгопродавца А. Я. Панафидина, 1901. 33 с.
- Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
- Богданова О. В.* Ревизия Ницше в «Старухе Изергиль» М. Горького // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 4. С. 306–318.
- Волкова А. А.* Феномен цыганской культуры в контексте концептуального осмысления диалога культур XIX–XX вв.: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2020. 35 с.
- Вьюшкова И. Г.* Цыганские мотивы в поэзии Я. П. Полонского второй половины XIX века // XIX Ершовские чтения: Межвуз. сб. науч.-метод. ст. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2009. С. 48–49.
- Зеленцова С. В.* Сюжетно-композиционная функция пейзажа в рассказах И. А. Бунина (на материале произведений до 1917 года) // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2 (52). С. 166–172.
- Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. 800 с.
- Келдыш В. А.* Начало творческого пути («Макар Чудра») // Наследие М. Горького и современность. М.: Наука, 1986. С. 20–28.
- Козлова Г. А.* «Цыганская тема» в контексте диалога русской и зарубежной литератур // Евразийский союз ученых. 2020. № 7-3 (76). С. 25–28.
- Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
- Мароши В. В.* Люди огня: к символике цыганского мифа в русской и европейской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 53–66. DOI 10.17223/18137083/68/5

Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». 480 с.

Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Стечкин Н. Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910 гг. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 464–617.

Урюпин И. С. Солярный и лунарный код в мифосемантике рассказа М. Горького «Макар Чудра» // Acta eruditorum. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. Вып. 31. С. 121–123.

Список источников

Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 1: Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901). 576 с.

Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 1: Повести, рассказы, стихи. 1892–1894. 512 с.

Гумилев Н. С. Лирика. Минск: Харвест, 1999. 480 с.

Пушкин А. С. Поэмы. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.

References

Aleksandrov N. A. *Stepi. Vol'nyya ptitsy. Tsygane (faraonovo plemya)* [Steppes. Free birds. Gypsies (Pharaonic tribe)]. Moscow, Published by book dealer A. Ya. Panafidin, 1901, 33 p.

Bidermann G. *Entsiklopediya simbolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, Republic, 1996, 335 p.

Bogdanova O. V. Reviziya Nitsche v “Starukhe Izergil” M. Gor'kogo [Revision Nietzsche in “Old Woman Izergil” by M. Gorky]. *Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities*. St. Petersburg, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 306–318.

Ivanov V. I. *Sobr. soch.* [Complete works]. Brussels, 1987, vol. 4, 800 p.

Keldysh V. A. Nachalo tvorcheskogo puti (“Makar Chudra”) [The beginning of the career (“Makar Chudra”)]. In: *Nasledie M. Gor'kogo i sovremennost'* [The legacy of M. Gorky and modernity]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 20–28.

Kozlova G. A. “Tsyganskaya tema” v kontekste dialoga russkoy i zarubezhnoy literatur [“Gypsy theme” in the context of dialogue between Russian and foreign literature]. *Eurasian Union of Scientists*. 2020, no. 7-3 (76), pp. 25–28.

Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow, Iskusstvo, 1976, 367 p.

Maroshi V. V. “Lyudi ognya”: k simvolike tsyganskogo mifa v russkoy i evropeyskoy literature 19 veka [“People of fire”: to the symbolism of the gypsy myth in Russian and European literature of the 19th century]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 3, pp. 53–66. DOI 10.17223/18137083/68/5

Nietzsche F. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2012, vol. 5: Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali. Sluchay “Vagner” [On the Other Side of Good and Evil. To the Genealogy of Morality. The Case of Wagner], 480 p.

Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to symbol: linguistic and cultural concepts of case texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academia, 2000, 128 p.

Stechkin N. Ya. Maksim Gor'kiy, ego tvorchestvo i ego znachenie v istorii russkoy slovesnosti i v zhizni russkogo obshchestva [Maxim Gorky, his work and its significance in the history of Russian literature and in the life of Russian society]. In: *Maksim Gor'kiy: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Maksima Gor'kogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. 1890–1910 gg. Antologiya* [Maksim Gorky: pro et contra. The personality and work of Maxim Gorky in the assessment of Russian thinkers and researchers. 1890–1910 Anthology]. St. Petersburg, RCHI, 1997, pp. 464–617.

Uryupin I. S. Solyarnyy i lunarnyy kod v mifosemantike rasskaza M. Gor'kogo "Makar Chudra" [Solarny and the lunar code in the mythosemantics of the race-tale M. Gorky "Makar Chudra"]. *Acta eruditorum*. 2019, no. 31, pp. 121–123.

V'yushkova I. G. Tsyganskie motivy v poezii Ya. P. Polonskogo vtoroy poloviny 19 veka [Gypsy motifs in the poetry of Y. P. Polonsky in the second half of the 19th century]. In: *19 Ershovskie chteniya: Mezhvuz. sb. nauchno-metod. st.* [19 Yershovs readings: an inter-university collection of scientific and methodical articles]. Ishim, ISPI im. P. P. Ershova, 2009, pp. 48–49.

Volkova A. A. *Fenomen tsyganskoy kul'tury v kontekste kontseptual'nogo osmysleniya dialoga kul'tur 19–20 vv.: sotsial'no-filosofskiy analiz* [The phenomenon of gypsy culture in the context of the conceptual understanding of the dialogue of cultures of the 19th–20th centuries: socio-philosophical analysis]. Abstract of Cand. philos. sci. diss. Moscow, 2020, 35 p.

Zelentsova S. V. Syuzhetno-kompozitsionnaya funktsiya peyzazha v rasskazakh I. A. Bunina (na materiale proizvedeniy do 1917 goda) [The plot and composition function of the landscape in the stories of I. A. Bunin (based on works until 1917)]. *Scientific notes of Oryol State University. Humanities and Social Sciences*. 2013, no. 2 (52), pp. 166–172.

List of sources

Bunin I. A. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, Voskresnie, 2006, vol. 1: Stikhotvoreniya (1888–1911); Rasskazy (1892–1901) [Poems (1888–1911); Stories (1892–1901)], 576 p.

Gor'kiy M. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Moscow, 1949, vol. 1: Povesti, rasskazy, stikhi. 1892–1894 [Novels, Stories, Poems. 1892–1894], 512 p.

Gumilev N. S. *Lirika* [Lyrica]. Minsk, Harvest, 1999, 480 p.

Pushkin A. S. *Poemy* [Poems]. Moscow, Sov. Rossiya, 1984, 192 p.

Информация об авторе

Игорь Сергеевич Урюпин, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия)

Information about the author

Igor S. Uryupin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th – 21st centuries of the Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 27.09.2021;

одобрена после рецензирования 08.01.2022; принята к публикации 08.01.2022

The article was submitted on 27.09.2021;

approved after reviewing on 08.01.2022; accepted for publication on 08.01.2022